



ПРАВОСЛАВИЕ И ЦЕРКОВЬ



УДК 94(47).027+348.55 DOI 10.25986/IRI.2026.105.3.016

Прот. К. А. Костромин

Санкт-Петербургская духовная академия; Русская христианская гуманитарная академия,

Санкт-Петербург, Россия. k.a.kostromin@mail.ru

ORCID 0000-0001-8511-3431

СКВЕРНОЯДЕНИЕ И ИНОВЕРИЕ В КАНОНИЧЕСКИХ ОТВЕТАХ МИТРОПОЛИТА ИОАННА

Проблематика общения с иноверными и инославными в Древней Руси осмысливалась очень категорично. Однако детальный анализ одного из примеров запретов такого рода – 5-е правило митрополита Иоанна – отражает ряд сложностей. Наказания требуют отказ находящихся на окраинах Русской земли от причастия и скверноядение. Греческий текст правила подразумевает горы Русской земли, а само понятие «Русская земля» может трактоваться как узкое (среднее Поднепровье) или широкое (границы Русской митрополии). Отказ от причастия и скверноядение плохо соотносятся с антилатинскими запретами, хотя и не исключают их. Возможно также, что речь идет о наказании за общение с язычниками или внутрицерковный конфликт.

Ключевые слова: церковное право, канонические ответы, история Русской Церкви, осквернение, иноверие, инославие, Русская земля

Митрополит Иоанн II, автор ряда произведений, наиболее известными из которых являются Канонические ответы, был достаточно сильно озабочен проблемой осквернения в соприкосновении с чужим. Этой проблеме в Канонических ответах уделено значительное внимание: 3-е, 4-е, 5-е, 13-е, 19-е, 28-е правила напрямую и 14-е, 22-е, 26-е косвенно затрагивают эту тему, при том, что проблема бытового или ритуального осквернения в самой Византии была на периферии религиозного сознания¹. Уже эта деталь указывает на то, что правила были, скорее всего, ориентированы на древнерусские реалии, регламентировали быт и отношения человека Древней Руси. Эта проблематика, практически не затронутая предшественником – митрополитом Георгием, также автором Канонических ответов (в общих чертах этой проблемы касается только 31-е правило и косвенно 12-е [Турилов, с. 235, 240]), оказалась, по мнению Иоанна, про-

¹ Это хорошо видно не только по крайне немногочисленной историографии, но и по тому, что в каноническом корпусе правил, посвященных непосредственно осквернению, очень мало.

белом в правовых предписаниях, которыми должны руководствоваться архиереи или потенциальные ставленники [Артемов, Гайдено, с. 221].

Среди всех указанных норм ключевым является 5-е правило Канонических ответов:

«Иже не причащается краицѣхъ в рустѣй земли, якоже еси реклъ, и в великое говѣнье мясо ядять и скверное, подобаетъ всякимъ образомъ направляти и възбраняти ту злобу наказаньемъ и ученьемъ възвращати на правовѣрное ученье, и потруженьемъ, яко не крестьяну сущю, да тѣмъ страхомъ остануться тоя злобы, и на вѣру благообразную приложаться. Пребывающую же тако и не преложающуюся, не даяти имъ святаго причащенья, но яко иноплеменика воистину и вѣры нашае противника поставити и въ свою волю хо[ди]ти» [Канонические ответы, стб. 3–4].

Основным содержанием правила является наказание за отказ причащаться, нарушение поста и скверноядение. Каноническое право, всячески поощряя причащение, тем не менее, не содержит правил, осуждающих за отказ причащаться. В центре внимания могли быть частота причащения (от еженедельного до раз в один из четырех постов), запреты причащаться в связи с половыми отправлениями и т. п. [Никодим, т. 1, с. 18–19; т. 4, с. 519]. Намеки в правиле на то, что отказывающиеся причащаться должны вернуться «на правовѣрное ученье», кажется, указывают на языческие реликты, хотя это и неочевидно. Вполне можно было бы увидеть в этих отказах русские, хотя и более поздние, реалии – отказ от причастия напоминает мотивы ересей стригольников и жидовствующих (см.: [Алексеев]), а отказ поститься намекает на споры о постах XII в. [Виноградов, Желтов]. Однако упоминание употребления в пищу «скверного» с сопутствующим сопоставлением едящих с иноплемениками и тем, что это происходит в «краицѣхъ в рустѣй земли», указывает на отношение к иноверию, инославию и язычеству. Таким образом, в центре внимания оказывается именно скверноядение.

Выше говорилось, что тема осквернения касалась в основном древнерусской проблематики. Это видно не только по антилатинским древнерусским произведениям, где одной из наиболее муссируемых тем было употребление в пищу «удавленины, мртвѣчины», «нечисто отреченыхъ животинъ», «медвѣдины и ослы... бобровины», «со псы въ одиномъ съсудѣ» (Стязание с латиной) [Павлов, с. 194–195], «свиное сало еже при кожи» (Послание митрополита Никифора Владимиру Мономаху о вере латинской) [Творения митрополита Никифора, с. 131]², «нечисто живутъ: ядять съ псы и съ кошками, пьютъ бо свой съхъ и ядять жѣлвы, и дикѣи кони и ослы, и удавленину, и мртвѣчину, и медвѣдину, и бобровину, и хвостъ бобровый ядять» (Послание игумена Феодосия Грека) [БЛДР, с. 448] (см.: [Костромин]). Важность этих запретов подтверждается и Уставом князя Владимира, где вопросы наказаний за употребление запретной пищи переданы Церкви: «Аще кто что поганое съестъ по своей воли, или кобылину, или медвѣдину, или ино что отреченое, митрополиту в винѣ и в казни» [Древнерусские княжеские уставы, с. 89]. Однако неочевидно, что в 5-м правиле Канонических ответов речь идет именно об этих нечистых животных. В 3-м правиле давался отдельный запрет на вкушение мяса животных, полученных в результате лова, а также удавленины, и все это названо «звѣриядинымъ», где понятие «скверна» не использовано. В 5-м же правиле говорится об осквернении.

Только в 5-м правиле Канонических ответов и в славянском переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия используется гапакс «краикъ» (в Ответах митрополита Иоанна слово стоит во множественном числе, но именно в этой форме) [«История иудейской войны», с. 94; Баранкова, с. 133]. Упоминание «краицъ рустѣй земли» представляет собой особую проблему. В литературе под этим выражением понимались отдаленные окраины Руси в самом

² Там же и «ясти отреченыхъ животинъ».



обобщенном виде. Однако само понятие более определено, чем кажется. Д. М. Котышев убедительно указывает на то, что «Русской землей» в XI в. называлось среднее Поднепровье с центром в Киеве и Чернигове и Переяславле как периферией («крайцами») (см.: [Котышев 2016, с. 233–235, 242–249] и др. работы автора). Либо, если правы сторонники «расширительного» понимания «Русской земли», окраины ее находятся где-то в районе Изборска, Полоцка, Берестя, Перемышля – по западной кромке, и Теребовля, Юрьева, Переяславля Южного, Курска и Рязани с эксклавом Тмутараканью – по южной [Мавродин, с. 330, 499; Кежа, с. 122–125]³. Вопрос этот, помимо интерпретации термина «Русская земля», упирается также в правильность применения славянского слова «крайцы» в качестве перевода греческого слова *ἀκρόρεια*, который может быть переведен как «горные вершины» или как «крайние рубежи». Если верен первый вариант, то митрополит Иоанн имеет в виду некие горы в Русской земле.

Какие? Таких вариантов несколько. Повесть временных лет знает Киевские [ПВЛ, с. 8, 9, 14, 27, 52] и Болдинские горы [ПВЛ, с. 83] – в пределах Русской земли как Киевщины и Угорские горы (Карпаты) [ПВЛ, с. 7, 14, 15, 61] на границе Галицко-Волынской земли – на окраинах Руси в широком значении. То, что переводчик предпочел слово «крайцы», если мы правильно понимаем это слово, говорит об окраинных горах, то есть не о киевских. Если под «Русской землей» митрополит Иоанн понимал среднее Поднепровье, то под «крайцами» нужно, вероятно, понимать окрестности Чернигова, где преподобный Антоний незадолго до написания Канонических ответов основал на Болдиных горах монастырь. Тогда проблема может считаться внутренней и связанной с какими-то проявлениями язычества, иной религиозной практики или крайней формы протеста. Если же речь идет об окраинах Руси в широком понимании (что могло быть, если грек-митрополит продолжал мыслить византийскими, а не местными киевскими реалиями, когда под Русской землей понималась не Киевщина, а территория Русской митрополии), то под «крайцами» можно подразумевать горную границу русских княжеств и королевства Венгрии, в 1000 г. принявшего крещение по латинскому обряду, с которым в годы пребывания на Руси митрополита Иоанна были довольно неплохие отношения [Пашуто, с. 52–53]⁴. В этом случае актуализируются ассоциации с разрывом отношений между Константинопольской патриархией и Римской церковью в 1054 г.

Прежде чем попытаться решить, о каких «крайцах» идет речь в Канонических ответах, необходимо сосредоточиться на претензиях митрополита. Он выделяет как характеристики отказ от причащения и употребление мяса в пищу во время Великого поста. Эти две «вины» описывает тот же митрополит Иоанн в послании к папе (антипапе) Клименту. Первая сформулирована так: «Но и второе съгрѣшение ваше есть, еже разрушаит постъ, и яковитскаа и арменскаа есть ересь, глаголю же сыры ѣсти и ѣща, и молоко пиете въ святое и великое говѣние» [Павлов, с. 176] – в обличении в несоблюдении поста отсутствует упоминание мяса. То же самое в вину латинянам ставили и автор «Стязания с латиной», и митрополит Никифор [Павлов, с. 194; Творения митрополита Никифора, с. 131]. Что касается отказа от причащения, то он также имеется в обвинении латинян, однако более определенный: «Третья вина ваша о брацѣ иерейсцѣмъ есть, яко гнѣшаетеся отъ рукъ таковыхъ причащатися» [Павлов, с. 177]. В греческом тексте Канонических ответов отказ от причащения в посту никак не соотносится с винами латинян, а славянский – более универсальный, поскольку говорит о гнушении от причащения в целом и может трактоваться как соотносящийся с антилатинскими запретами,

³ Сходная альтернатива зафиксирована источниками на конец XII в. Характерно появление топонима «Украина» в связи с Переяславлем Южным, но и соотношение его же с Галицкой землей, то есть Прикарпатьем [История Украины, с. 97–98].

⁴ Интересные гипотезы о крещении Иштвана по восточному обряду, основания для которых дают разнородные материалы, неубедительны; напротив, Иштван скорее вытеснял из своего государства восточный христианский обряд [Юрасов, с. 79–84].



хотя прямой связи с ними и он не имеет. Более того, именно славянский перевод может подразумевать отказ от причащения в знак протеста против церковной власти (примером которого и были более поздние случаи стригольничества и отчасти действий жидовствующих), а не в контексте нетрадиционного отношения к посту.

Правда, в Канонических ответах в связи с отказом от причащения имеет место двойной логический абсурд. Первый заключается в том, что в наказание за отказ причащаться, согласно самому же правилу, следует «не даяти имъ святаго причащенья». Второй же связан с тем, что вводимый запрет на причащение с инославными/иноверными (со стороны ли латинян или иного религиозного учения, например, языческого, или со стороны православных) и является основанием не причащаться и подвергается осуждению со стороны митрополита. Если латинское духовенство, например, в Прикарпатье, запрещает своим людям причащаться с православными, то последние (не только первые) попадают под осуждение со стороны митрополита Иоанна, но и, наоборот, если православные отказываются причащаться у латинян (например, согласно 31-му правилу Канонических ответов митрополита Георгия [Турилов, с. 240]), то они должны быть наказаны по правилу митрополита Иоанна. То есть создается замкнутый круг, который логически невозможно разомкнуть.

Решить вопрос окончательно – идет ли речь о православно-латинском Прикарпатском горном пограничье, где взаимный отказ от причащения мог быть вызван последствиями константинопольского конфликта 1054 г., о каких-либо языческих актах противодействия православной традиции или о конфликте, который был заложен преподобным Антонием Печерским в основание монастыря на Болдыных горах (он появился в результате бегства преподобного из Киева после бунта Всеслава 1068–1069 гг. без благословения местного архиерея) [Гайденок, с. 65], – из имеющихся данных невозможно, однако поиски удалось сузить путем детального анализа формулировок и терминологии, примененной в Канонических ответах.

Также нужно отсеять еще один зафиксированный в историографии вариант объяснения, не в связи с Каноническими ответами, а в связи с «причастием» в Русской земле. Д. М. Котышев подробно разобрал понятие «княжеского причастия» в Древней Руси [Котышев 2021]. Историографический казус основан на совершенной искусственности данного термина, выдуманного в отечественной историографии на основе слова «часть». Наиболее занятно то, что сконструированное понятие отталкивается от идеи разделения Русской земли на части, в то время как реально существующее причастие как приобщение Святых Таин исходит из объединения, общения, на что и указывает греческое слово *κοινωνία*.

Языческие окраины – территории, оспаривавшиеся половцами, мурома, земли вятичей и им подобные – в источниках домонгольского периода не попадали под понятие «крайцев» (по крайней мере, таких сообщений в источниках нет). Участвовавшие набеги половцев на Русь в годы написания Канонических ответов, их враждебное христианам происхождение (в глазах древнерусских книжников) [Лаушкин, с. 142–143] не дают возможности рассматривать половцев как народ, оказывавший внутреннее влияние на древнерусское население, то есть под воздействием половцев русские едва ли стали бы есть в посту мясо или заниматься скверноядением. Фраза в правиле о восприятии этих людей «яко не крестьяну сущю» и угроза «не даяти имъ святаго причащенья» говорят о том, что искать фронтير нужно скорее в христианской среде. Дискутируемый вопрос о характере древнерусского христианско-языческого двоеверия, фиксируемого в источниках не ранее конца XII в. (то есть на столетие позднее написания Канонических ответов; древнерусские авторы, современники митрополита Иоанна, исходили из торжества Православия над бывшим «языческим безбожием»), не содержит конкретики относительно того, какие именно бытовые стороны, трактовавшиеся православным духовен-

ством первых веков христианства на Руси как реликты язычества, продолжали оказывать влияние на христианизировавшуюся жизнь Руси [Петров, с. 15–18; Карпов, с. 82–93].

Судя по всему, и церковная иерархия, и гражданская власть старались минимизировать контакты, в первую очередь бытовые, и как можно детальнее прописать бытовые же ограничения под угрозой осквернения, чтобы исключить нарушение христианских предписаний, например, в отношении поста. Устав Ярослава вводит понятие «иноязычников», подразумевая под ними «жидов» и «бесермен», запрещая брак с ними и вводя очень большой штраф и изоляцию русской женщины (п. 19), предписывая митрополиту судить случаи, когда «от нашего языка» кто-либо «ведая ясть и пиет» «с некрещенымъ, ни иноязычникомъ» (п. 49) [Древнерусские княжеские уставы, с. 88–89]. Аналогичные запреты в отношении бытового общения с латинянами вводит и митрополит Георгий: «Аще будетъ в судѣхъ у латынина пили, то молитву сотворше и пити из нихъ» (п. 35); «Аще жидовинъ хлѣбъ принесетъ, а сам пек или мед самъ вариль [или] пиво не приими того, аще ли [сы(р)?]. Аще ли рыбу или животину продаетъ возми от него» (п. 92) [Турилов, с. 240, 250]. В ответах митрополита Георгия обращает на себя внимание мягкая форма запрета, как с точки зрения формулировки, так и с точки зрения санкций, которые отсутствуют, но описываются способы выхода из неприятной ситуации.

Приведенные статьи из правовых текстов четырех десятилетий, предшествовавших созданию Канонических ответов митрополита Иоанна, казалось бы, имеют прямую параллель с запретами на общение с «иноязычниками». В рассматриваемом правиле предполагается приравнивать употребляющего мясо в пост и скверное в пищу «яко иноплеменника воистину и вѣры нашея противника», однако речь идет не о самих иноплеменниках, а о русских **как** иноплеменниках! То есть сами по себе нарушения пищевых запретов не фигурируют в правиле как инициированные со стороны.

В 5-м правиле Ответов подразумевается, что поевший с язычниками по неведению оскверняется, что требует чтения молитвы от осквернения. Значит, переводчик сознательно предпочел сравнить живущих на «крайцах» непостоящих русских не с язычниками, а с иностранцами, хотя и страшит читателя многочисленными негативными эпитетами, имеющимися и в греческом тексте, и угрозой запрета на причащение. Иноплеменники описываются и в 26-м и 27-м правилах. В первом из них также речь идет об осквернении от общения с женами священников, побывавшими в иностранном плену, хотя ситуация решается в пользу непризнания осквернения, совершенного против воли. Во втором говорится, что надлежит делать в случае отказа от веры в плену или сохранения верности ей. Отсутствие упоминания язычества и мягкий подход косвенно указывают на переход в латинство (или магометанство), но не в безбожное язычество.

Вообще, нужно отметить, что тема принадлежности людей к иным народам была для древнерусского сознания «больной». На это указывает очень большое число терминов: «иноземьць», «иноплеменьникъ», «иностранныкъ», «иноязычникъ» [СДРЯ, с. 161–162, 160, 159, 158]. Не меньше терминов было и для обозначения неправославных или нехристиан: «инобожество», «иновѣрьць», «инославящий» [СДРЯ, с. 160, 156–157, 156], не говоря о наименованиях конкретных вероисповеданий («вера Бохмиче» и др.) и их сторонников (латины и др.) [Чибисов], а также язычества и ереси. Именно они – иноплеменники – были главным источником осквернения в глазах митрополита Иоанна и других книжников его эпохи [Лаушкин, с. 24–31]. Однако не все здесь однозначно.

Осквернение в Канонических ответах связано почти исключительно (не считая упоминания этого термина в 11-м и 16-м правилах, в первом оно связано с животными, а во втором – с осквернением чувств разнузданностью) с общением с иноплеменниками. 19-е и 28-е правила



предполагают осквернение от общения (вкушения пищи) с погаными, 26-е правило – плененные жены иереев оскверняются от общения с иноплеменниками. То есть сам факт общения (бытового, в пище, соития) с иноплеменниками несет осквернение. Какого именно осквернения опасались при общении с иноплеменниками, показывает Повесть временных лет: согласие есть и пить в иноязычной стране есть согласие с традициями – «си бо омывають оходы своя в ротъ вливають... от совокупленья мужьска и женьска вкушаютъ» [ПВЛ, с. 40].

В славянском тексте Канонических ответов скверноядение упоминается также в 13-м правиле, где речь идет про «ину страну, идеже служить опрѣсноки и съскверноѣдѣню не отмѣтаются» [Канонические ответы, стб. 7]. Однако в греческом тексте о скверноядении ничего не сказано [Отрывки греческого текста, с. 14], то есть при наличии запрета на общение с латинянами использование ими опресноков за богослужением скверной не являлось. Здесь нужно сделать важную оговорку: нигде в произведениях митрополита Иоанна (и, видимо, в других древнерусских произведениях) нет прямой связи между причастием (общением в причащении Святых Таин) и служением на опресноках (4-е и 13-е правила Канонических ответов). Слово «опреснок» осуждается в связи со служением на них, но не с причащением ими, в то время как запреты на причащение в Канонических ответах напрямую связаны с какими угодно нарушениями, но не с латинянами (этот вопрос нуждается в дополнительном детальном исследовании). То есть приписывание осквернения при общении с латинянами – изобретение славянского переводчика, который, как уже было замечено, был куда более категоричным, чем автор оригинала [Франклин, с. 261–263].

Попробуем подвести итоги. Опасение осквернения при общении с иноземцами было в юной христианской Руси куда более острым, чем в много испытывавшей космополитичной Византии, иерархи которой ловко сыграли на русских страхах. Правда, переводчик Канонических ответов несколько изменил акценты греческого оригинала – горы превратились в окраины, а язычники – в иноплеменников. Фактические язычники в глазах грека были для русских чем-то вроде инославных или иноверных. Содержащиеся в Канонических ответах характеристики не дают однозначной возможности охарактеризовать их как латинян или мусульман (если принять перевод слова ἀκρίβεια словом «крайцы» как попытку переводчика исправить авторскую неточность греческого митрополита), и едва ли под ними подразумеваются типичные язычники-инородцы. В любом случае, речь идет, скорее всего, о южном – юго-западном или юго-восточном – пограничье. В случае юго-восточного это окраина Русской земли в узком, специфически древнерусском значении, в случае юго-западного (русинского венгерского пограничья) – в византийском представлении о горной границе Русской митрополии. Отказ от причастия, фигурирующий в правиле, предполагает намек на сложное положение восточного православия в чужеродной среде, а не о самих инославных или иноверцах.

Какова глобальная цель вводимого запрета, если речь идет о своих же христианах, находящихся в трудных для своей веры условиях? Комплиментарность культуры Древней Руси хорошо известна. Это свойство позволило легко принять христианство, долго не поддаваться искушению окунуться в межюрисдикционные споры, в том числе в конфликт Рима и Константинополя, создать богатый синтез христианской культуры. Однако оно же могло представлять опасность для молодого древнерусского христианства со стороны конкурентов, описанных в Повести временных лет под 6494 г. Нужен был страховочный механизм против увлечения излишней комплиментарностью, который и был реализован через актуализацию страха перед

осквернением от чужого. Механизм оказался почти универсальным психологическим средством, работающим много веков.

Источники

- БЛАДР. СПб., 1997. Т. 1. 543 с.
Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. Я. Н. Щапов. М., 1976. 239 с.
«История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. Т. 2. 837 с.
Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. Стб. 1–20.
Никодим Святогорец, преп. Пидалион. Правила Православной Церкви с толкованиями. Екатеринбург, 2019. Т. 1: Правила святых апостолов. 398 с., [1] л. ил.; Т. 4: Правила святых отцов. 524, [3] с.
Отрывки греческого текста канонических ответов русского митрополита Иоанна II / [Публ. и примеч.] А. С. Павлова. СПб., 1873. [2], 21 с.
Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. VI, 210 с.
ПВА – Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1999. 667, [1] с.
Творения митрополита Никифора / Под ред. С. М. Полянского и М. Н. Громова. М., 2006. 501 с.
Турилов А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» // Славяне и их соседи. М., 2004. Вып. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем. С. 211–262.
СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1991. Т. 4. 559 с.

Литература

- Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в. Стригольники и жидовствующие. М., 2012. 560 с.
Артемьев С. Н., Гайденов П. И. К истории одного канонического памятника. О возможных причинах появления «Канонических ответов» митрополита Иоанна Продрома // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 215–226. DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_215
Баранкова Г. С. «Правило» митрополита Иоанна II: текстологический и лингвистический аспекты исследования // Славянское и балканское языкознание. М., 2022. Вып. 22. С. 121–139. DOI 10.31168/2658-3372.2022.22.6
Виноградов А. Ю., Желтов М. С. «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 118–139.
Гайденов П. И. Несколько суждений о каноническо-правовых основаниях создания монастырей в домонгольской Руси // История: факты и символы. 2023. № 4 (37). С. 55–73. DOI 10.24888/2410-4205-2023-37-4-55-73
История Украины. СПб., 2017. 507 с.
Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. СПб., 2008. 184 с.
Кежа Ю. Н. Представления о границах Руси в Повести временных лет // Научные труды Республиканского института высшей школы: исторические и психолого-педагогические науки. Минск, 2023. Вып. 23. Ч. 1. С. 120–129.
Костромин К., свящ. Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение. 2011. № 1 (36). С. 6–97.
Котышев Д. М. Русская земля в X–XII в.: центр и периферия // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2016. Вып. 5. С. 233–252. DOI 10.24411/9999-0702-2016-00016
Котышев Д. М. «Тако ли мнѣ части нѣту в Руской земли»: княжеское «причастие» в середине – второй половине XII века // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3 (15). С. 58–74. DOI 10.47132/2618-9674_2021_3_58
Лаушкин А. В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. 304 с.
Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. СПб., 2008. 430 с.
Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. 472 с.
Петров А. В. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси (к чествованию памяти в связи с 1000-летием преставления) // Христианское чтение. 2015. № 6. С. 10–21.
Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. 552 с.
Чибисов Б. И. Термин «латиняне» в византийских и древнерусских письменных источниках (до начала XIII века) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб.; Казань, 2014. Вып. 1. С. 73–98.



DOI 10.24411/9999-0702-2014-00004

Юрасов М. Подкарпатская Русь – одна из колыбелей христианства у восточных славян. Очерки ранней истории русинов. Saarbrücken, 2013. 140 с.

References

- Alekseev, A. I. Religioznye dvizheniya na Rusi poslednei treti XIV – nachala XVI v. Strigol'niki i zhidovstvuyushchie. Moscow, 2012. 560 p. (In Russ.)
- Artemov, S. N., Gaidenko, P. I. K istorii odnogo kanonicheskogo pamyatnika. O vozmozhnykh prichinakh poyavleniya "Kanonicheskikh otvetov" mitropolita Ioanna Prodroma // *Khristianskoe chtenie*. 2021. No. 4. Pp. 215–226. DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_215 (In Russ.)
- Barankova, G. S. "Pravilo" mitropolita Ioanna II: tekstologicheskii i lingvisticheskii aspekty issledovaniya. In *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie*. Moscow, 2022. Iss. 22. Pp. 121–139. DOI 10.31168/2658-3372.2022.22.6 (In Russ.)
- Chibisov, B. I. Termin "latinyane" v vizantiiskikh i drevnerusskikh pis'mennykh istochnikakh (do nachala XIII veka). In *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Saint Petersburg; Kazan, 2014. Iss. 1. Pp. 73–98. DOI 10.24411/9999-0702-2014-00004 (In Russ.)
- Franklin, S. Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950–1300 gg.). Saint Petersburg, 2010. 552 p. (In Russ.)
- Gaidenko, P. I. Neskolk'ko suzhdenii o kanonicheskopravovykh osnovaniyakh sozdaniya monastyrei v domongol'skoi Rusi. In *Istoriya: fakty i simvoly*. 2023. No. 4 (37). Pp. 55–73. DOI 10.24888/2410-4205-2023-37-4-55-73 (In Russ.)
- Istoriya Ukrainy. Saint Petersburg, 2017. 507 p. (In Russ.)
- Karpov, A. V. Yazychestvo, khristianstvo, dvoeverie. Religioznaya zhizn' Drevnei Rusi v IX–XI vekakh. Saint Petersburg, 2008. 184 p. (In Russ.)
- Kezha, Yu. N. Predstavleniya o granitsakh Rusi v Povesti vremennykh let. In *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly: istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. Minsk, 2023. Iss. 23. Part 1. Pp. 120–129. (In Russ.)
- Kostromin, K., priest. Problema atributsii "Slova Feodosiya, igumena Pecherskogo, o vere krest'yanskoi i o latyn'skoi". In *Khristianskoe chtenie*. 2011. No. 1 (36). Pp. 6–97. (In Russ.)
- Kotyshev, D. M. Russkaya zemlya v X–XII v.: tsentr i periferiya. In *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Saint Petersburg, 2016. Iss. 5. Pp. 233–252. DOI 10.24411/9999-0702-2016-00016 (In Russ.)
- Kotyshev, D. M. "Tako li mne chasti netu v Ruskoj zemli": knyazheskoe "prichastie" v seredine – vtoroi polovine XII veka. In *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 2021. No. 3 (15). Pp. 58–74. DOI 10.47132/2618-9674_2021_3_58 (In Russ.)
- Laushkin, A. V. Rus' i sosedni: istoriya etnokontsional'nykh predstavlenii v drevnerusskoi knizhnosti XI–XIII vv. Moscow, 2019. 304 p. (In Russ.)
- Mavrodin, V. V. Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva. Saint Petersburg, 2008. 430 p. (In Russ.)
- Pashuto, V. T. Vneshnyaya politika Drevnei Rusi. Moscow, 1968. 472 p. (In Russ.)
- Petrov, A. V. Svyatoi ravnoapostol'nyi knyaz' Vladimir i kreshchenie Rusi (k chestvovaniyu pamyati v svyazi s 1000-letiem prestavleniya). In *Khristianskoe chtenie*. 2015. No. 6. Pp. 10–21. (In Russ.)
- Vinogradov, A. Yu., Zheltov, M. S. "Pervaya eres' na Rusi": russkie spory 1160-kh godov ob otmene posta v prazdnichnye dni. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. No. 3 (73). Pp. 118–139. (In Russ.)
- Yurasov, M. Podkarpatskaya Rus' – odna iz kolybелей khristianstva u vostochnykh slavyan. Ocherki rannei istorii rusinov. Saarbrücken, 2013. 140 p. (In Russ.)

Konstantin A. Kostromin

Saint Petersburg Theological Academy; Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg, Russia

FILTHY EATING AND HETERODOXY IN THE CANONICAL RESPONSES BY METROPOLITAN JOHN

The problem of communication with heterodox in Old Rus was understood very categorically. However, a detailed analysis of one example of such the prohibitions – the 5th rule of Metropolitan John – reflects some difficulties. Punishment requires refusal of communion and filthy eating for those located on the outskirts of the Russian Land. The Greek text of the rule implies the mountains of the Russian Land, and the concept of "Russian Land" can be interpreted as narrow (the middle Dnieper region) or wide (the borders of the Russian Metropolis). Refusal of communion and foul eating do not correlate well with anti-Latin prohibitions, although they do not exclude them. It is also possible that they are talking about punishment for communication with pagans or an internal church conflict.

Keywords: church law, canonical responses, history of the Russian Church, desecration, heterodoxy, Russian Land

